

АННА БЫСТРОВА

Мирт и Шиповник

18+

Анна Быстрова

Мирт и шиповник

«Автор»

2026

Быстрова А.

Мирт и шиповник / А. Быстрова — «Автор», 2026

В Вестлицком королевстве неспокойно. В столице появляется еретический орден Свободных братьев. В своих проповедях они осуждают королеву Иларию и ее нового фаворита — шута Эмиля, о прошлом которого ходит немало толков. Кроме того, назревает конфликт между феодалами, а виной тому — свадьба главного интригана князя Давида и последующее за ней убийство. Книга является продолжением романа "Ирис и чертополох".

© Быстрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Посол князя Давида	5
Глава 2. Советы королевского шута	12
Глава 3. Приезд в Вельсторш	16
Глава 4. За фасадом торжества	21
Глава 5. Исповедь Кристины	29
Глава 6. Откровенность и хитрость	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мирт и шиповник

Глава 1. Посол князя Давида

Вестлица, 1312 год

Молодая королева непринужденно откинулась на спинку кресла, задумчиво перестукивая пальцами по резному подлокотнику.

В камине потрескивали дрова. Огонь мягко освещал красивое горделивое лицо Иларии. Она укуталась шалью, ощущая тепло и уют в этот дождливый сентябрьский вечер.

— И кто этот человек?

Вопрос адресовался молодому человеку, сидящему напротив. Он был одет как знатный шляхтич, однако наряд его мог показаться весьма эксцентричным: половина туники белая, другая — черная, штанины шосс также различны по цвету. Мода на мипарти[Мипарти — костюм, разделенный пополам разными цветами. Мода на такую одежду появилась в конце XII века в Западной Европе.

] только начала проникать в Вестлицу из Западной Европы, а потому далеко не все принимали и признавали ее. Старшее поколение носило длинные и широкополые одежды сдержанных оттенков, тогда как молодые столичные модники одевались в короткую и обтягивающую одежду ярких цветов. Они брили бороды, отпускали длинные волосы и всячески украшали себя. На госте королевы тоже можно было заметить драгоценные перстни, цепочки, серьги — последние еще не вошли в моду, и экстравагантность образа старшие придворные прощали юноше только из-за должности королевского шута.

Несмотря на недавнее пренебрежительное отношение к сего рода занятию, Эмиль, как звали юношу, за два года службы вывел должность на новый уровень. Он пел для королевы, сочинял стихи, устраивал мистерии, но помимо этого все больше становился наперсником в ее делах, охотно выслушивал, давал советы. В замке больше не было ни скоморохов, ни привычных для шляхты шутов, гогочущих грубые частушки. Никаких бубнов, колокольчиков, танцев вприсядку...

Все песни, стихи были высокого содержания, мистерии имели глубокий смысл, менестрели и трубадуры воплощали в себе утонченный образ поэтов-романтиков.

Эмиль, возглавлявший придворных музыкантов, являл собой гармонию таланта и красоты. Выразительные зеленые глаза оттеняли длинные ресницы. Аккуратный нос, пухлые губы добавляли ему детского обаяния. Густые темно-русые волосы падали на лоб, подчеркивая свежесть лица. Часто оно было озарено добродушной улыбкой и вместе с тем — плутовским ироничным взглядом, присущим шутам.

Однако веселый заразительный смех слышался лишь на пирах и праздниках и исчезал, едва Эмиль покидал высшее общество и оставался наедине с собой.

В душе он любил одиночество и в свободное время бродил по саду, сочинял стихи, а по ночам предавался горьким воспоминаниям, часто страдая бессонницей.

Сейчас, рядом с королевой, в глазах Эмиля светилась неподдельная радость. Он ценил каждое мгновение, проведенное с ее величеством. И, несмотря на едва заметную робость, в его манерах и речи угадывалось желание нравиться.

— Это пан Адриан, сын канцлера Каетана, — поделился Эмиль, радуясь, что сумел выполнить поручение королевы. — Он прибыл в столицу сегодня утром и остановился в корчме «Домик охотника», что неподалеку от Королевского моста.

— Ты говорил с ним?

— Да, мы ужинали вместе.

— Вот как... и что же тебе удалось разузнать? — с интересом спросила Илария, не сводя с шута проницательных глаз.

Она была лишь на два года старше него, но ей приходилось являть собой образец строгости и рассудительности. Обычно рядом с шутом она пренебрегала маской чопорности и позволяла себе быть искренней. Эмиль умел поднять ей настроение, удивительно тонко чувствуя состояние ее души. Сейчас же Илария пыталась придать себе вид спокойной уверенности, в то время как тревога от приезда посла все больше закрадывалась в ее сердце.

Эмиль отвечал спокойно, неторопливо, стараясь угадать настроение королевы:

— Пан Адриан впервые в столице. Он мой ровесник, ему двадцать три года, недавно окончил университет и помогает отцу в скриптории при городской ратуше. — Эмиль говорил с чуть заметным литовским акцентом, характерно выделяя звук «ш».

— Что же его связывает с моим дядей? — прервала Илария. — Отчего князь отправил именно его?

— Пан Адриан служит у князя и сам вызвался в столицу передать что-то важное для вас, государыня.

— Он придет в замок завтра?

Эмиль подтвердил.

— Я приму его. Послушаем, с чем его отправил мой дядя.

— Быть может, я смогу еще что-то сделать для вас? — спросил Эмиль, нежно глядя на королеву. Он чувствовал ее беспокойство и желал помочь. — Вам стоит лишь намекнуть...

Выражение лица Иларии смягчилось.

— Ты бы пригодился как шпион при дворе моего дяди, — задумчиво протянула она.

— Вы в самом деле этого желаете? — Эмиль побледнел, вконец растеряв напускную уверенность. — Если вы прикажете, я повинуюсь, но...

— Но? — подхватила Илария, желая услышать окончание фразы. — Говори. Что тебя смущает?

— Тогда я вынужден буду оставить вас, — тихо произнес Эмиль. — А мне бы этого не хотелось. Вы знаете, я очень привязан к вам, и разлука с вами будет невозможно тяжела для меня.

Илария улыбнулась. Ей было приятно это признание, но она скрыла свои чувства.

— Мне всегда нравилась та откровенность, с которой ты обличаешь свои слабости, — сказала она.

— У меня есть только одна слабость, — возразил Эмиль, решив подыграть ей. Он продолжил уже без смущения, накинув на себя непринужденный образ шута: — Моя слабость — она же моя сила, мое вдохновение, моя жизнь...

— Эмиль, перестань, — поспешно перебила Илария. На щеках ее появился легкий румянец.

— Вы некогда спасли меня, и я предан вам всей душой, — искренне сказал Эмиль, сопроводив свои слова нежным взглядом. — Только умоляю, не отправляйте меня на службу к князю Давиду!

— Ты уже два года служишь мне. Никто не поверит, что ты решил перейти к моему дяде. Счастливое лицо шута было красноречивее слов.

— Мы могли бы переманить пана Адриана на свою сторону... — предложил он.

— Сначала послушаем, что за новость он привез. А там... попробуй.

— Я сделаю все возможное, — пообещал Эмиль.

На другое утро Эмиль встал пораньше и спустился во двор, желая встретить посланника князя Давида. Дождь уже перестал. С вязов временами капала вода. Высокие башни из красного кирпича тонули в облаке тумана. Эмиль укутался в плащ, пересек двор и вышел за ворота.

На территории Среднего замка помещались казармы, и шут ускорил шаг. С некоторыми гвардейцами он был не в лучших отношениях.

Когда он добрался до Нижнего замка, ворота в город были еще закрыты, а потому у Эмиля было время заглянуть на псарню и в конюшню. Еще издали он услышал знакомый лай и весело улыбнулся. К собакам он питал особую симпатию. Лишь только он отворил скрипучую дверь, из полутемной псарни на него бросились с радостным визгом щенки, а к карманам потянулись длинные носы борзых. В мешочке за поясом Эмиль припрятал для собак остатки ужина. Он скормил им все, что было, кроме хлеба и сахара, припасенного для лошадей. Здесь, среди животных, он чувствовал спокойную радость и умиротворение. Эмиль мечтал забрать себе одного щенка, белого с черными пятнами, но на то требовалось дозволение королевы. Юноша еще не нашел случая попросить его в подарок.

Из псарни Эмиль отправился в конюшню. Конюх дружелюбно встретил его. Он был не прочь поболтать. Шут любил общество простых людей и ничуть не кичился придворной должностью.

— Сегодня прибывает посол князя Давида, — поделился новостями Эмиль. Он остановился у стойла покормить белую кобылу по кличке Аврора, любимую лошадь ее величества.

— Одни неприятности от этого князя. — Конюх неодобрительно покачал головой.

— Будем надеяться, что посол прибыл с хорошей новостью.

— Сомневаюсь... Вы из-за него здесь так рано?

— Да, решил встретить. А вот, собственно, и он.

Дверь конюшни отворилась, и на пороге показался высокий молодой человек, держащий под уздцы гнедого жеребца. При виде Эмиля посол приветливо улыбнулся.

— Очень рад встрече, пан! — сказал шут.

Молодые люди раскланялись и, оставив жеребца заботам конюха, вышли во двор.

— Пойдемте, я провожу вас в замок. — Эмиль указал Адриану путь к подвесному мосту в Средний замок, и вместе они зашагали вперед по блестящей от дождя мостовой.

Адриан оказался выше Эмиля, лицо его отличалось тонкими благородными чертами. В голубых глазах светилась доброта и искренность.

Он шел на королевский прием с таким воодушевлением, словно спешил на свидание.

— Вы никогда прежде не видели королеву? — полюбопытствовал Эмиль.

— Только на портретах. — Адриан улыбнулся и, помолчав немного, добавил: — Вы, должно быть, очень счастливый человек, раз служите при королевском дворе. Вы свободны, гуляете где хотите и вместе с тем живете в замке и каждый день видите королеву.

Эмиль задумчиво улыбнулся.

— О да! — протянул он. — Но вы тоже могли бы перебраться в столицу и поступить на королевскую службу.

— Пока это невозможно, — с сожалением сказал Адриан. — Отец возлагает на меня большие надежды, и я нужен князю.

— И все же, если вы хотите служить королеве, я мог бы замолвить за вас словечко, — с готовностью предложил Эмиль.

На лице Адриана отразилось смущение и радость.

— Я был бы очень признателен.

— Вы же привезли приятную новость для ее величества и оставите хорошее впечатление о себе, не так ли?

— О, да! Я надеюсь на это.

Молодые люди вошли во двор Верхнего замка. Адриан окинул восхищенным взглядом королевскую резиденцию с боковыми башнями, пристройкой и открытой галереей. Не оставил его равнодушным и костел Святых Станислава и Вацлава, уходящий шпилом в туманную дымку облаков.

— Как же здесь прекрасно! — мечтательно произнес юноша.

Эмиль улыбнулся и пригласил следовать за ним. Они вошли в нижнюю галерею замка: полутемный коридор с высокими сводами, воткнутые в стену факелы и... гулкое эхо.

Между тем Эмиль вспомнил свой собственный визит в замок и сожалел, что некогда был лишен возможности прийти сюда на прием как благородный дворянин. А сколько душевных страданий он перенес, прежде чем удостоился покровительства королевы! Адриану несомненно повезло, он мог легко снискать расположение государыни и стать одним из ее верных вассалов.

В тронном зале юношу ждал пышный прием. Здесь собралась вся знать, которой не терпелось услышать, что за новость привез посланник князя Давида.

После тишины туманного утра и темных безмолвных галерей замка Адриан был оглушен шумом голосов, блеском нарядов и ярким светом, струящимся из высоких стрельчатых окон.

Эмиль отвел Адриана в сторону и дал ему несколько напутственных слов, прежде чем в тронный зал вошла королева Илария.

Ее появление заставило умолкнуть весь двор. Адриан вслед за шляхтой склонился в поклоне, пораженный красотой королевы.

Илария и в самом деле имела яркую внешность: темные волосы подчеркивали нежный тон кожи, медовые глаза поражали глубиной. Когда-то в них читалась нежность и доброта, теперь же — холодная дерзость. В зеленом платье, расшитом золотом, с горделивой осанкой она восседала на высоком резном троне. Драгоценные камни на ее короне переливались яркими огнями. Во всем ее облике было столько величия и грации, что Адриану королева представилась сошедшей со страниц рыцарских романов. Он был до того впечатлен, что не мог найти слов.

Эмиль, незаметно пробравшийся к трону, уже успел шепнуть королеве об Адриане.

— Вы и есть посол моего дяди? — Голос Иларии прозвучал холоднее, чем она того хотела.

Адриан вышел вперед и низко поклонился, чувствуя потребность как можно скорее расположить к себе королеву и порадовать ее своей вестью. Илария же продолжала смотреть на него с холодным предубеждением.

— Я слушаю вас. — На сей раз Илария вложила в слова больше любезности.

Ее отчасти забавляла растерянность юноши, его восхищение, однако само осознание, что посол прибыл из Вельсторша, порождало в ней неприязнь.

— Мое имя Адриан, — представился юноша. — Я сын канцлера Каетана. Прибыл в Вестлицу по поручению его светлости князя Давида.

— У него ко мне письмо или же вы должны передать послание на словах? — В эту минуту Илария подумала о том, что дядя действовал весьма опрометчиво, отправив в качестве посла такого впечатлительного юношу, над робостью которого будет иронизировать весь двор.

— На словах, ваше величество, — с искренним дружелюбием ответил Адриан. — Князь Давид приглашает вас приехать в Вельсторш...

— Вот как! — Илария изобразила на лице удивление и неподдельный интерес. — Что ж, это очень любезно с его стороны. И по какому же поводу?

Тут Эмиль, почувствовав настроение королевы, не удержался и вынес свое предположение:

— Возможно, князь хочет показать, как много собрал урожая, чтобы выиграть приз лучшего земледельца королевства.

— В таком случае ему лучше нагрузить обозы и приехать самому, — отозвалась Илария.

— Для этого он слишком занят плетением заговоров.

Королева оценила шутку Эмиля и переглянулась с ним, одарив улыбкой. Адриан, встревоженный таким поворотом разговора, поспешил исправить недоразумение:

— Вовсе нет, ваше величество! Его светлость приглашает вас на свадьбу, которая состоится ровно через месяц.

— На свадьбу? — На сей раз Илария и в самом деле была удивлена. — На чью свадьбу?

— На свою. — Адриан улыбнулся. — Князь женится на дочери Януша, пани Кристине, — торжественно объявил он.

В зале воцарилось молчание. Шляхта сосредоточенно следила за королевой, готовая принять новость с тем же настроением, что и ее величество. Илария сжала подлокотники кресла, борясь с охватившим ее волнением.

— Вот как... — озадаченно протянула она, изменившись в лице. — И чего же он хочет?

— Чтобы вы приехали. — Адриану передалось волнение королевы, и он с тревогой ожидал ответа.

— Он не счел нужным приехать сам, так с чего же мне приезжать к нему?

Эмиль вновь решил вмешаться:

— Быть может, нам тоже отправить князю посла?

— И в самом деле, отправлю тебя. Позабавишь его на свадьбе, — отозвалась Илария и холодно обратилась к послу: — Передайте князю, что я не приеду на его свадьбу. Прием окончен.

Адриан стоял потерянный, убитый осознанием провала, немилостью королевы, ее холодной резкостью. Позади, словно сквозь сон, слышались возгласы шляхтичей:

«Жадный до власти князь решил забрать себе и Вольстань. Все ему мало!»

«Видимо, дела Януша совсем плохи, если решил породниться с опальным князем».

«Князь Давид набирает себе территорию, чтобы отделиться от нас».

«Все осуждал покойного Борислава, а сам выбрал себе невесту вдвое младше себя!»

«Правильно королева ответила этому послу. Поделом князю!»

«Надо же было додуматься отправить посла! Видимо, нарочно, чтобы усилить оскорбление!»

Все это слилось в общий гул, от которого у Адриана пошла голова кругом.

Между тем Илария, а следом за ней и Эмиль покинули тронный зал.

Королеву обуревали противоречивые чувства. Ее оскорбляла гордая независимость князя, то, что дядя скрывал до последнего свое намерение жениться, что отправил к ней посла, а не приехал сам, и, главное, что выбор князя пал на ее подругу детства, с которой они провели столько лет вместе...

Досадуя на свои эмоции, Илария искала уединения, тогда как шут считал своим долгом утешить королеву и не отставал от нее ни на шаг.

— Эмиль, оставь меня! — бросила ему Илария, поднимаясь по лестнице, но тот не послушал приказа.

— Государыня, подождите! — взмолился он.

Королева даже не обернулась. Ее шаги гулко разносились по пустынному коридору третьего этажа.

— Илария, прошу!

Отчаянный и непростительно дерзкий оклик не остался без внимания. Королева остановилась и обернулась к шуту. В глазах ее блестели слезы.

— Простите... — прошептал он и, цепляясь за возможность высказать свои размышления, быстро заговорил: — Я могу переговорить с Адрианом и разузнать о князе. Может быть, сказать, что вы подумаете, а не отказываетесь приехать? Пусть князь будет в неведении... А мы тем временем решим, как нам выгоднее поступить.

Илария неопределенно пожала плечами:

— Как знаешь, мне все равно.

— Не расстраивайтесь! — Эмиль медлил, не желая оставлять королеву одну. — Мне бы так хотелось утешить вас... Я могу пойти с вами?

— Нет, уходи! — перебила Илария. — Лучше разузнай все у посла и... скажи, что я обдумую предложение князя, — уже мягче добавила она.

— Все исполню, государыня, — с готовностью отозвался Эмиль. Он поклонился и, проводив королеву долгим сострадательным взглядом, спустился вниз.

Дело, которое он сам выпросил у королевы, было ему по душе. Эмиль не выносил терзаний королевы. Его сердце болело вместе с ней, ибо он всей душой был привязан к ее величеству. Что говорить, он всецело зависел от нее. Многие связывали его горячую преданность с тем, что королева некогда закрыла глаза на его темное прошлое и дала Эмилю придворную должность.

Но находились те, кто и по сей день видел в поведении Эмиля притворство и даже нашептывали королеве, будто шут ее подослан врагами, чтобы втереться в доверие к королеве и разузнать тайные планы.

Но, как бы там ни было, Эмиль как был в фаворе у королевы, так и оставался. И шляхте приходилось считаться с его положением при дворе. Потому, когда он проходил мимо, ему вежливо улыбались и с показной любезностью раскланивались. Более того, даже капитан Арон признавал авторитет Эмиля и, когда шут бросился догонять посла, с готовностью подсказал ему дорогу.

Эмиль нашел Адриана во дворе Верхнего замка, уже у ворот. Он окликнул посла и попросил уделить ему несколько минут.

— Я не задержу вас надолго, — пообещал королевский шут, видя, что Адриан колеблется. — Мы могли бы переговорить в саду. Там никого нет.

Доверительный тон Эмиля нашел отклик в раненом сердце юноши, и Адриан уступил его просьбе. Молодые люди пересекли двор и, обогнув костел, спустились по тропинке в яблоневый сад. Трава после дождя уже высохла, вода с деревьев больше не капала.

Эмиль шел неспешно, обдумывая, как бы лучше передать слова королевы. Ему хотелось, чтобы Адриан первый начал разговор и по его тону Эмиль решил бы, как с выгодой для Иларии преподнести ее решение. Он не подозревал, что для Адриана в эти минуты камень за камнем рушился его замок надежд и несбывшихся желаний. Иллюзии развеялись, а к правде он был не готов.

— Я обескуражен такой холодной надменностью... — признался Адриан, не в силах больше молчать. Он был бледен, взволнован. Мыслями он все еще находился там, в тронном зале. В голове еще слышались холодные, резкие слова Иларии. — А королева представлялась мне ангелом...

— А что вы ждали, приехав сюда как посол князя, да еще с такой новостью?! — спросил Эмиль, уязвленный словами Адриана. — Князь, неоднократно просивший руки ее величества, теперь женится на ее подруге детства. Женится из-за денег, земель. И вы хотите, чтобы после этого королева с милой любезностью ответила согласием на приглашение, которое князь даже не потрудился передать ей лично?

— Князь хотел жениться на королеве? — Адриан с удивлением посмотрел на шута. — Он ее дядя, и он не влюблен в нее...

— Князь влюблен в ее власть и в ее деньги.

— Но это в прошлом! — горячо возразил Адриан. — Ведь пани Кристина...

— Жертва очередных интриг вашего господина, — закончил за него шут.

— Нет, она сама просила его об этом браке.

— Просила о браке? — переспросил Эмиль. — Разве такое возможно? Насколько мне известно, Кристине двадцать два года, а князю недавно исполнилось сорок пять. Зачем

девушке такой брак? Она не из бедной семьи и могла бы найти себе молодого и красивого шляхтича.

— Она любит нашего князя.

Эмиль недоверчиво покосился на Адриана:

— Едва ли вы разбираетесь в чувствах. Вы слишком впечатлительны, наивны. Уверен, здесь что-то кроется. Для князя выгода очевидна, а вот что толкнуло несчастную девушку на этот брак, еще предстоит выяснить. Вот что, передайте князю, что королева обдумает его приглашение. Возможно, она и в самом деле приедет, чтобы разобраться в этой истории.

Слова Эмиля прозвучали естественно и просто, что он счел большой удачей. Однако они не произвели впечатления на посла.

— Напрасно вы мне не верите и подозреваете что-то дурное. Я передам князю, что вы просите, — с достоинством сказал Адриан. — Скажу откровенно: он был бы рад видеть на свадьбе ее величество. Знаете ли, я не так наивен, как вы думаете. Я способен отличить истинные чувства от притворства и доброту от лицемерия. Вы прикидываетесь искренним, но я вижу, что вас заботят исключительно интересы ее величества. А ее интересы — месть и ненависть к дяде. Увы, я ошибся и наделил ее качествами, по-видимому, ей не свойственными. Не думаю, что я вновь вернусь в столицу... Прощайте.

Адриан коротко кивнул и, отвернувшись, зашагал прочь. В душе его поднималась буря. Он чувствовал, что сильно ошибся, приписав этому месту и хозяйке замка идеальные черты. Иллюзия рассеялась, мечта умерла. Обернувшись на замок, Адриан прозвал его про себя «кладбищем разбитых надежд».

Глава 2. Советы королевского шута

Эмиль робко просунул голову между складками бордовых штор королевской приемной. Навстречу ему вышла камеристка Радка, лет восемнадцати, с милым лицом и добрыми карими глазами.

— Ее величество ожидают вас у себя, — сказала она, указывая на смежную с приемной комнату. — Пойдемте, я провожу вас.

Эмиль проследовал за камеристкой. Он и без нее прекрасно знал дорогу, ибо был в покоях королевы не далее как позавчера, но решил соблюсти известные приличия.

Одна из черт Эмиля, которая особенно нравилась Иларии, — это чувство такта. Он был вежлив, удивительно тонко чувствовал настроение королевы, не раболепствовал перед ней, но и не переходил дозволенного. А главное — не пытался ухаживать за ней, не досаждал признаниями в любви, не злоупотреблял встречами наедине, почти никогда не прикасался к ней, за исключением тех редких случаев, когда королева сама протягивала ему руку для поцелуя. Однако Эмиль и тогда оставался почтителен и сдержан. Он был не глуп и видел, к чему привели ухаживания придворного художника Велета, притязания князя Давида: оба перестали бывать у королевы, она стала избегать их общества. Тогда как Эмиль был и оставался желанным гостем в любое время дня и ночи. Он умел развеселить королеву, поддержать непринужденную беседу, становился серьезным, когда речь шла о политике. Преподнося комплимент или делая подарок в виде сонета или букета цветов, Эмиль сопровождал их гротескным пафосом речей, служившим ширмой для его тонкой ранимой души, а главное — для его нежных чувств к королеве, в которых он не желал признаваться даже самому себе. Эмиль говорил, что королева для него — святыня, а стало быть, он испытывает к ней исключительно почтительность и бесстрашие. Это позволяло ему оставаться подле королевы и быть в числе ее ближайших друзей.

Королева не боялась оставаться с шутом наедине, приглашала его в личные покои, делилась своими переживаниями. С Эмилем Илария становилась собой, с ним она ощущала себя в безопасности.

Вот и этим вечером, когда на дворе стемнело, а на башне пробила половина одиннадцатого, королева не сочла зазорным пригласить Эмиля к себе.

Войдя, он застал королеву одну. Она взволнованно ходила по комнате, кусая губы.

— Ваше величество посылали за мной? — с поклоном обратился к ней Эмиль, зная, что ему позволено начать говорить первым. Однако в таких случаях он старался сделать это как можно вежливее и учтивее, чтобы не оскорбить королеву дерзостью.

— Да, — напряженно ответила Илария, хмурия лоб. — Проходи.

Эмиль почтительно остановился в нескольких шагах от королевы и еще раз поклонился.

— Ты говорил с послом? — спросила Илария, не предлагая Эмилю сесть и оставаясь стоять сама.

— Да, ваше величество.

— И что же тебе удалось разузнать?

— Я передал ему желание вашего величества обдумать приглашение.

— Эмиль, — прервала его Илария, — ты к каждой фразе будешь прибавлять «ваше величество»? Я устала, хочу посоветоваться с тобой как с другом. Будь добр, смени этот официальный тон.

— Как вам угодно, ваше... я хотел сказать... — Эмиль запнулся и остановился, желая получить подсказку. Днем он дерзнул обратиться к королеве по имени и теперь боялся вновь вызвать ее неудовольствие.

— Илария, — подсказала королева. — Сейчас можешь звать меня так.

Взгляд Эмиля загорелся радостью. Он улыбнулся.

— Так Расскажи мне, что еще тебе известно? — напомнила свой вопрос королева.

— Пан Адриан утверждает, что Кристина сама просила князя о браке и будто она по уши влюблена в него.

Илария с недоверием посмотрела на Эмиля:

— Он так и сказал?

— Да, он уверен, будто это брак по любви.

Илария приложила руку к пылающему лбу. Голова нестерпимо болела.

— Это вызывает у меня еще больше подозрений, — сказала она, оглядываясь на кресло. — Присядем?

— Как вам угодно, ваше вел... я хотел сказать, Илария. — Эмиль улыбнулся, проследовав за королевой к камину, где стояли два кресла.

— Ты нарочно? — Королева с неудовольствием посмотрела на шута. — Боже, как же у меня болит голова... — пожаловалась она, прикрывая лоб рукой.

— Может, позвать Радку? — предложил обеспокоенный Эмиль.

— Зачем?

— Она даст вам какой-нибудь настой трав, порошок... Что пьют в таких случаях?

— А разве ты никогда не пьешь ничего при головной боли? — удивилась королева. — Как ты борешься с ней?

— У меня редко болит голова, а в прежние годы матушка умела снять боль руками.

— Каким образом?

— Она прикладывала свои руки к моим вискам и затылку и массировала их, пока боль не отступала.

Илария устало улыбнулась:

— Мы не станем проверять это средство, не так ли?

Эмиль смутился.

— Я не посмел бы... — пробормотал он.

— Вернемся к послу, — решила Илария, морщась от боли. — Мне думается, дядя нарочно преподносит эту историю как любовную.

— Вне всякого сомнения, — согласился Эмиль. — Хотя я и не видел никогда князя, но, судя по вашим рассказам и тому, что говорят при дворе...

— А что говорят при дворе?

— Он властолюбив, горд, непредсказуем. Его боятся. А такие люди едва ли могут внушить любовь юным девушкам, скорее страх.

— Значит, он внушил ей страх, запугал ее или пана Януша. Дяде нужны земли, это понятно. Но он даже не счел нужным спросить меня... Не потрудились приехать в столицу или написать.

— Но этому есть объяснение, — возразил Эмиль. — Вы ведь рассорились два года назад. Князь оставил придворную должность и уехал к себе. Мне кажется, что в этом приглашении есть желание примириться с вами, но он боялся получить отказ, а потому не рискнул приехать сам.

— Возможно, так и есть, но, если я поеду, князь решит, что я уступила. Он посмеется надо мной. Вытянет выгоду из моего приезда, помирится с феодалами и вновь пожелает войти в Совет. А я не хочу его видеть здесь.

— Почему? Разве не лучше держать врага поблизости, чтобы знать его планы?

— Ах, Эмиль! — вздохнула королева. — Может, оно и лучше, но я устала от князя. Он слишком любит властвовать, пытается сломить мою волю, навязать свою. Если бы ты знал его...

— Но, насколько мне известно, — осторожно заметил Эмиль, — князь помог вам занять трон и был вашим другом и покровителем. Тогда вы были очень юны, он и давал советы. Теперь

же вы не нуждаетесь в покровителе, и, если вы этого не пожелаете, никто не посмеет навязывать вам свою волю, Илария.

— Эмиль, он продал Восточное Поморье Тевтонскому ордену. Земли, за которые отдал жизнь мой отец.

— Но ведь эти земли и так были заняты орденом, он лишь получил с них деньги, на которые обещал вернуть Восточное Поморье.

— Уже прошло шесть лет, а он так и не вернул эти земли.

— Вы обговаривали срок в десять лет.

— Ты что же, защищаешь князя? — удивилась Илария. У нее не было сил злиться или возмущаться. Голова сильно болела, вынуждая говорить тихо и медленно.

— Я хочу, чтобы вы не преувеличивали его могущество и значимость. Одним словом, чтобы вы... — Эмиль запнулся и потупил взор.

— Говори.

— Я не хочу, чтобы вы боялись его, — закончил свою мысль королевский шут.

— Боялась? — переспросила Илария. — Ты ошибаешься. Я разочарована в нем. Он огорчает меня, досаждаст мне своей негибкой волей, но я не боюсь его.

— Тогда отчего бы нам не поехать в Вельсторш? Погуляем на свадьбе, заодно расспросим Кристину. Вы сделаете вид, что прощаете князя, а потом, когда он попадется на крючок, напомните о Восточном Поморье...

— Эмиль, если я поеду, князь извлечет из этого больше выгод, чем я.

— Отнюдь. Илария, если вы останетесь здесь, он сочтет это дозволением открыто играть против вас. У него теперь два города, войско, деньги. Зачем нам наживать опасного врага?

— Но тем самым он вызовет ненависть и зависть феодалов, и они сами могут...

— Развязать междоусобицу? Вы согласны принести князя им в жертву? Да и потом, разве не князь возглавил их, чтобы сплотить у вашего трона? Если он убедил феодалов поддержать вас, то сумеет убедить и в обратном.

— А если я поеду, то покажу, что на стороне дяди...

— Вы всего лишь примете приглашение на свадьбу. Поверьте, это будет смело, это будет по-королевски. Вы выведаете все, что вам нужно, усыпите подозрения князя. Я бы примирился с ним и вызвал его сюда. Право, мне любопытно взглянуть на этого человека. Он расширяет свои владения, становится очень силен. Надо остановить его, но не враждой, а... дружбой. Пусть он все деньги и войско отдаст на войну с орденом. Держите его при себе. Насколько мне известно, он дорожил дружбой с вами, и... говорят даже, будто он был влюблен в вас.

— Нет, это вздор, — перебила Илария. — Он хотел жениться на мне, чтобы разделить со мной трон. Князь сам говорил об этом. Дядя никогда не любил женщин. Его интересовали только интриги, власть и золото. Потому я ни за что не поверю, что он увлекся Кристиной.

— Давайте польстим его самолюбию? Пусть поверит, что он снова в милости у вас. Он падок на лесть? Князь тщеславен?

— Да, за ним есть этот грешок. Он был так предан и внимателен, пока я дорожила дружбой с ним.

— Вот видите, — улыбнулся Эмиль. — Быть может, вернуть ему былое расположение, чтобы он играл по вашим правилам? Повторюсь, я бы держал его поблизости.

— Видишь ли... — Илария закусила губу, — не знаю, как тебе это объяснить. Одним словом, я боюсь сама попасться на эту уловку и снова поверить ему.

Эмиль призадумался.

— Вы все еще любите его?

— Я его ненавижу.

— Тогда в чем же дело?

— Дело в том, что я... — Илария приложила холодные пальцы к пылающим вискам, — мне плохо рядом с ним. Всякий раз после разговора с дядей я перестаю владеть собой. Он выводит меня из себя. Я переживаю, расстраиваюсь из-за него. Он забирает всю мою радость. Мы так ненавидим друг друга, что причиняем друг другу вред, находясь рядом. Когда-то в детстве и в юности я очень зависела от него. Так стремилась угодить ему, понравиться. Ты знаешь, он заменил мне холодного отца. Дядя был так внимателен, так нежен. Я привязалась к нему. А теперь... теперь мне больно. Его слова ранят меня, он просто меня уничтожает.

Илария закрыла лицо руками.

Эмиль опустил перед ней на колени, глядя на нее с глубоким сочувствием.

— Милая Илария, — ласково произнес он. — Если страдаете вы, страдает и он. Вам стоит помириться. Увы, вы любите его.

Королева отняла руки от лица и покачала головой, наскоро утирая слезы:

— Нет, не люблю. Нельзя любить человека, который разрушает тебя.

Эмиль позволил себе поцеловать ее руку, желая хоть немного утешить.

— Илария, нам стоит поехать на свадьбу. Я познакомлюсь с этим князем и смогу сам судить, что это за человек. Вы знаете, я разбираюсь в людях, сумею прочесть и его сердце.

Королева покачала головой. Ее рука ласково опустилась на голову Эмиля, отчего тот сильно смутился.

— Друг мой, — сказала Илария, — я поеду одна. Не хочу, чтобы князь знал о тебе.

— Но почему? — огорчился Эмиль.

— Потому что у него есть удивительная способность расстраивать мою дружбу. Он может рассказать о тебе своим ближайшим литовским соседям — сыновьям покойного князя Витольты. Если они узнают, что ты жив, захотят убить.

— О, Илария! — Эмиль тяжело вздохнул. — Но как же я оставлю вас одну?

— Так нужно. Я приму предложение князя, поеду к нему. А ты останешься здесь. Думаю, дольше недели я не задержусь в Вельсторше.

Эмиль поник головой.

— Быть может, я поеду инкогнито? — не сдавался он. — Остановлюсь неподалеку. Я мог бы поехать в Литву и остановиться у матери. Ее дом в двух верстах от границы с землями князя Давида.

— Нет, я хочу, чтобы ты остался в столице. Займись обучением моих соколов для охоты. Ты же смыслишь в этом деле.

— Да, Илария, но...

— Никаких «но». Я так хочу, это приказ.

Эмиль тяжело вздохнул и грустно посмотрел на королеву.

— Неделя — это очень долго, — негромко заметил он. — Вы напишете мне, если произойдет что-то важное, Илария?

— Я расскажу тебе обо всем по приезде. — Королева протянула ему руку.

Эмиль с нежностью поцеловал ее и прижался к ней щекой. Он знал, что сейчас может себе это позволить.

Илария и в самом деле не выразила неудовольствия и, если бы не головная боль, возможно, сказала бы что-то доброе и ласковое. Но она лишь устало улыбнулась и пожелала Эмилю доброй ночи.

Глава 3. Приезд в Вельсторш

Королевская карета подъехала к воротам замка Твердза ближе к полуночи. Иларию сопровождали фрейлины, всю дорогу отчаянно пытавшиеся развеселить ее величество, но безуспешно. Илария с тоской глядела в окно и почти не принимала участия в разговоре юных девушек. Эмилия она оставила в столице. Из приближенных ее сопровождал капитан Арон со своими гвардейцами и придворный художник Велет. Шляхетская элита остановилась на постоянных дворах Вельсторша, а королеву ожидал прием в замке Твердза.

Ступив на мостовую, Илария огляделась по сторонам. Сколько зажженных огней, нарядных гирлянд и флагов! Как непохоже это на ту тихую гавань, где Илария некогда находила убежище от придворной суеты и холодной отчужденности отца. Замок был уже не тот, да и его хозяин сильно изменился: не столько внешне, сколько внутренне. Князь Давид больше не пытался произвести на королеву впечатление, не изображал заботливого родственника, а действовал исключительно в своих интересах. Был холоден, порою груб, себялюбив и своенравен.

В свете факельных огней королева вскоре различила темную высокую фигуру, идущую навстречу. Рядом с дядей Илария заметила посла Адриана. Он был бледен и молчалив, в отличие от двух других господ, сопровождавших князя. Капитан Робер и поверенный Гаффар негромко говорили о чем-то между собой.

— Ваше величество, рад встрече! — Князь подошел к королеве и поклонился, после чего перекинулся взглядом с Велетом, своим старым приятелем.

Илария протянула князю руку, он привычным движением поднес ее к губам и пригласил пройти в замок.

Князь не считал нужным поддержать какой бы то ни было светский разговор и молча повел королеву в нижний зал. Здесь он велел слугам заняться размещением гостей, а сам пошел проводить Иларию до покоев.

В полумраке длинного коридора, освещенного несколькими факелами, князь наконец нарушил молчание и обратился к племяннице:

— Что ты думаешь о моей свадьбе? — Тон его был серьезен, взор пристален.

— Ты ходишь по лезвию меча, — отозвалась Илария. — Феодалы не любят, когда их обходят. Тебе может дорого обойтись новая земля и место в Совете.

— Мне интересно узнать твое мнение, а не их, — заметил князь.

Илария ответила долгим красноречивым взглядом.

— Я думаю, оно тебе известно, иначе ты бы не отправил ко мне посла, а приехал сам, — с холодной сдержанностью ответила она.

— И все же ты здесь. Почему?

— Я хочу мира среди феодалов. Мне ни к чему неприятности, вызванные твоим неумным желанием обогатиться.

— Стало быть, ты на моей стороне? — Губы князя тронула улыбка.

— Я на своей стороне, — возразила Илария. — И если ты хочешь присоединиться к ней, сумей наладить отношения с феодалами.

Князь оценил ее предложение и, усмехнувшись, сказал:

— Я подумаю над этим, моя королева.

Он галантно поцеловал ей руку и простился.

Илария почувствовала облегчение, когда он ушел. Усталость от долгого пути лишала желания вести дальнейший разговор, тем паче что собеседник не располагал к душевной беседе. Однако при этом Илария испытывала некоторое удовлетворение. Князь нуждался в ней, хоть и не желал открыто этого признавать. Нет, Илария не приняла бы его дружбу вновь, дядя причинил ей слишком много боли, но она не желала ему зла и была готова протянуть

руку в случае смертельной опасности. Да, князь женится на ее подруге детства, расширяет свои владения и становится опасным соперником, способным поднять против нее войско, но зависть и ненависть феодалов сдерживали неукротимые амбиции князя, что стало козырем в руках королевы.

На свадьбу князя Давида ожидали приезда многих знатных магнатов королевства, в том числе князя Вольстава с женой Оливией и племянницей Леей, пана Каспера с семьей, панов Бартоша, Мешко, Хайнрича с княгиней Анной. Ожидали также родителей Кристины: пана Януша и его супругу Богданию. Обещал приехать и воевода Велимир с сыном Арисом.

Несмотря на конец сентября, в замке Твердза все утопало в цветах. Розы украшали столы, они были в вазах, в прическах знатных дам, переплетались с гирляндами и свешивались с потолков; ими были украшены экипажи и носилки, сбруи лошадей.

Илария наблюдала роскошную подготовку к празднествам с меланхолической улыбкой. Принимая заверения и выслушивая прошения гостей-феодалов, в свободные часы она предпочитала общество молодого аббата Рафаэля из монастыря Святого Мартина.

После церемонии венчания, на которой Иларии так и не удалось понять настроения молодых — оба были излишне сдержаны и серьезны, — именно аббат Рафаэль пролил ей свет на их историю.

После торжественного обеда Илария покинула общество и спустилась в сад в компании аббата, уставшего, как и она, от шумного празднества и неискренних речей.

Они спустились вглубь сада. Там, среди бордовой листвы раскидистых орешников, темнели у каменной стены высокие силуэты тисов.

— Вы часто бываете в Вельсторше? — начала разговор Илария.

— Нет, мне куда ближе ездить к вам в столицу, ваше величество, — заметил аббат. Голос его звучал мягко и напевно. Во всей его манере держаться ощущалась простота и обаяние. Он был приятной наружности, с аккуратными, немного заостренными чертами лица и выразительными серыми глазами. Под пилеолусом темнели еще не тронутые сединой русые волосы, аккуратно зачесанные назад и открывающие высокий лоб.

В свои тридцать пять лет, вдали от родины, аббат построил блестящую карьеру: получил самое крупное аббатство Вестлицкого королевства и стал одним из приближенных людей ее величества. Тогда как во Франции пару лет назад он имел неосторожность попасть в немилость к королю и вынужден был просить назначения за границу.

— В Озерские земли меня приводят лишь неотложные дела, — поделился он. — Такие, как болезнь покойного сына Януша.

— Я слышала, что Францишеку так и не удалось помочь. Чем он был болен? Не было ли это убийством, как вам кажется?

— Пан Францишек страдал антоновым огнем, которым заразился от крестьян. Он был добрый юноша и часто посещал дома бедняков. Здесь нет злого умысла, лишь печальный рок, — спокойным тоном ответил аббат, как видно, не разделявший опасений королевы.

— А среди крестьян были смертельные случаи? — продолжила спрашивать Илария.

— Да, — с той же невозмутимостью сказал аббат и добавил: — Но только среди крестьян, которые недавно перешли от пана Бартоша. Они и принесли антонов огонь в Вольстанские земли.

— Вот оно что... Интересно, что их толкнуло уйти от Бартоша?

— Возможно, пан Бартош сам решил от них избавиться, узнав об их недуге. — Аббат Рафаэль пожал плечами.

— На него это похоже, — протянула Илария. — Но как бы то ни было, а дядя, став мужем Кристины, теперь наследует все земли Януша.

— Да. Я слышал, он посватался к пани Кристине вскоре после похорон ее старшего брата. У нее на тот момент был жених, некий пан Войцех, дальний родственник Януша. А потому я весьма удивился, узнав, что пани Кристина выходит замуж за князя.

— Не думаю, что она добровольно пошла на этот шаг...

— Теперь это уже не имеет значения. Венчание состоялось.

— Все же мне не дает покоя эта свадьба, — призналась Илария, шагая по ковру опавших листьев. — Мне обидно за Кристину. Молодая, милая девушка... в детстве она была мечтательной, смелой. Я любила проводить с ней время. А дядя... он убьет в ней то живое, светлое, что сияет в ее глазах. У нее невероятные синие глаза, правда? Мне так жаль... Ее мог бы полюбить, искренне полюбить достойный молодой дворянин, такой, как Адриан. Они были бы прекрасной парой! Оба юные, добрые...

— Ваше величество, но уже поздно сожалеть, — с мягкой улыбкой ответил аббат, умилившись ее искренности и сердечности. — Сегодня пани Кристина стала женой князя. И она не выглядит несчастной.

— Разве? Мне показалось, что рад этой свадьбе лишь мой дядя. Ему выгоден этот брак. Как ни посмотри, он получает и новые земли, и место в Совете. Непонятно, как он убедил Януша отдать ему Кристину.

— Главное, чтобы он не обратил выгоду этого брака против вас.

— Едва ли, скорее попытается вернуть прежнее влияние.

— Хотелось бы в это верить, — с глубоким вздохом произнес аббат. — Думаю, вам было бы полезно сохранить дружбу с пани Кристиной, если только она не слишком сильно влюблена в своего мужа, чтобы делиться с вами его тайнами.

Они углубились в сад, спускаясь вдоль тисовой аллеи в розарий. Иларию удивляло, что аббат может допустить мысль, будто Кристина влюблена в ее дядю. Это казалось абсурдным, нелепым. Иларии захотелось доказать обратное, и, несмотря на внутренний голос, советовавший попридержать злые слова и не говорить лишнего, она не удержалась и сказала:

— Кристина не может полюбить холодного и жестокого мужчину, который напрочь лишен высоких идеалов, искренности и сострадания. Он ослеплен властолюбием и гордыней. Кристина никогда не полюбит его.

— Поживем — увидим, — спокойно изрек аббат. — Не будем поспешны в своих выводах. Как бы то ни было, не пренебрегайте обществом княгини.

— Дядя не станет ей доверять или запугает, чтобы она молчала, — ответила Илария. — Я, конечно, переговорю с ней, а там... как Бог даст.

— Да, разумеется. — Помолчав немного, аббат как бы между делом заметил: — Среди гостей я не заметил сыновей покойного князя Витольда, хотя замок Рагно в двух верстах отсюда.

— Не слышала, чтобы они водили дружбу с дядей. Эти литовцы не общаются с нашим двором, и потом они язычники. С дядей их могут связать разве что торговые отношения.

— А вы слышали что-нибудь о Томаше, племяннике покойного Витольда?

— Да, слышала... — отозвалась Илария. В ее голосе почувствовалось напряжение.

— У меня не выходит из головы эта история, — признался аббат, пытаясь объяснить причину начатого разговора, который явно пришелся не по душе его спутнице. — Прошло уже пять лет с тех пор, как Томаша нашли задушенным в реке на землях князя Давида, а убийца так и не был найден. В ту ночь исчез и пленный княжич Леонас, которого держали в подвалах литовского замка Рагно. Похоже, он и убил Томаша.

— Почему вы решили заговорить со мной об этом? — Илария остановилась. Ветер развеивал края тончайшей вуали, ниспадавшей из-под золотого венца на ее лицо. На щеках от свежего ветра играл легкий румянец.

— Дело в том... — начал аббат, тщательно подбирая слова, — в мой последний визит в столицу я обратил внимание на вашего шута и... видите ли, так много совпадений...

— Каких совпадений?

— Ваш шут появился в Вестлице пять лет назад, хоть на службу в замок он и был принят позднее, но в столице его уже знали как трубадура и менестреля. Он пел в корчмах, выступал в домах знатных господ. Я разузнал о нем. Когда Эмиль только приехал в столицу, он пел песни на литовском языке. И конечно, он никакой не Эмиль. Бродячие артисты придумали для него образ и звучное имя. На руке его я заметил перстень с гербом пана Витольда. Более того, я знаю, что Эмиль был уличен в воровстве и гвардейцы привели его к вам на суд. Вы же сжалились над ним и взяли на службу, дабы он имел возможность уплатить штраф в королевскую казну, а позже оставили в замке насовсем. Быть может, Эмиль и взаправду привязался к вам, а может, старается выведать ваши планы. Леонас ведь — сын жемайтского князя, его отец был замешан в убийстве великого Тройдена, у которого некогда служил Витольд. Жемайтия то и дело вступает в стычки с войсками Великого княжества Литовского, их подговаривают к вражде тевтонские рыцари. А потому я вполне могу предположить, что Эмиль, он же жемайтский княжич Леонас, воспользуется смертью Томаша, чтобы развязать войну между Вестлицким королевством и Великим княжеством Литовским. Так Жемайтия сумеет вырваться из-под власти Литвы и заключит союз с Тевтонским орденом.

— Каким образом Леонас рассорит меня с великим князем Витенем? Насколько мне известно, литовский государь занят делами в Риге. Ему нет дела до смерти Томаша, даже если предположить, что я пригрела в замке его убийцу.

— Сыновья Витольда ищут Леонаса в Литве и Жемайтии.

— Даже так? — протянула Илария. — Что ж, пусть ищут. Я же впервые слышу о молодом княжиче.

По тону королевы аббат заключил, что она не воспринимает его слова всерьез.

— Вы считаете, что мои предположения неверны? — спросил он, желая довести до конца начатый разговор. — Простите, но я должен был поделиться с вами терзавшими меня подозрениями. Про Эмиля ходит много слухов. Он ведет себя вызывающе. Его внешний вид, одежда, его мистерии, песни...

— Для шута он выглядит весьма скромно, — возразила Илария.

— А еще говорят, что он никогда не посещает мессы. Не язычник ли он, как и большинство литовцев?

— Эмиль христианин, но придерживается византийского обряда, потому и не посещает латинской мессы. Стоит ли вменять ему это в вину? Что до литовских слов и песен, то он действительно родился в Литовском княжестве, но не в Жемайтии. Что его имя вымышлено, я знаю. А что до молодого княжича Леонаса... Он может быть где угодно. Более того, нет доказательств, что найденное тело в реке — это Томаш. Быть может, Томаш отдал пленному княжичу свою одежду и бежал, а сыновья Витольда убили Леонаса, думая, что это Томаш, которому их отец завещал замок Рагно. Не желая признаваться в убийстве кузена, они стали обвинять в преступлении сбежавшего пленного.

— Об этом мне неизвестно, — признался аббат, озадаченный словами королевы. — В таком случае, нужно найти Томаша и Леонаса. Расспросить их.

— А если Леонас мертв?

— Нет, он на свободе. Это точно. Сыновьям Витольда приходили письма с угрозами.

— Вот как... это уже интересно. Но, ваше преподобие, вы в самом деле полагаете, что это мой шут рассылает подобные письма? Уверяю вас, у него есть дела поважнее.

— Мой долг предупредить вас, ваше величество. Если вам приятно общество этого человека, я не смею настаивать на своих подозрениях.

— Да, мне приятно его общество, — со спокойной уверенностью ответила королева. — И прошу вас, ваше преподобие, ни с кем из двора не делиться вашими мыслями. Эмиль и так страдает от злых сплетен, я бы не хотела, чтобы вашими словами воспользовались, чтобы очернить его имя.

— Ваше величество, вы можете на меня положиться, — аббат смиренно склонил голову, признавая свое поражение. — Теперь я открою свои мысли лишь Господу Богу и буду молиться, чтоб Он защитил вас.

— Благодарю вас, ваше преподобие, но вы напрасно тревожитесь. — Илария мягко улыбнулась. — Эмиль хороший человек, я верю ему.

На мгновение аббату показалось, что королевой движет личная симпатия к юноше, но уверенный и спокойный тон Иларии, ее открытый взгляд, отсутствие какого бы то ни было смущения убедили его в отсутствии сердечной привязанности, что заметно успокоило преподобного отца Рафаэля.

Он проводил королеву в замок, а сам удалился в часовню, дабы вознести молитвы Богу и возложить на Него свою печаль.

Глава 4. За фасадом торжества

Чем дольше Илария оставалась в Вельсторше, тем сильнее ее охватывало желание покинуть это место. Детские воспоминания о проведенных здесь юных годах тревожили душу. Королеве было странно видеть в замке дяди столько гостей, шумные гулянья, роскошный пир.

Князь Давид не отличался любовью к многолюдным собраниям и приемам, предпочитая деловые встречи и уединенный образ жизни, оттого этот нарочито роскошный праздник выглядел в глазах Иларии как откровенный фарс, провоцирующий феодалов.

На пиру, заняв место рядом с дядей, королева чувствовала его неискренность. Она прекрасно знала, что он терпеть не может шутов, и тем не менее глупые песни скоморохов сотрясали воздух, встречая хохот гостей. Помимо того, князь ел неохотно и все больше обращался к Кристине, пытаясь показным вниманием к супруге скрыть свое беспокойство. Королева догадывалась, что тревожит дядю. Ее и саму заботило настроение магнатов.

Несмотря на всеобщее веселье, в воздухе царил невидимое напряжение. Оно читалось в глазах пана Бартоша, пана Януша и его супруги. Хмуро глядели и пан Мешко с братьями. А что до воеводы Велимира, то Илария впервые обратила внимание, что его неодобрительный и осуждающий взгляд направлен вовсе не на князя Давида, а на сына Ариса. Семнадцатилетний сероглазый красавец с белокурыми шелковыми волосами, ниспадающими на плечи, обращал на себя внимание знатных дам. Илария была знакома с ним. В прошлом году ей довелось побывать в Копле, там королева впервые встретила сына воеводы. Тогда его вежливый тон, искренность и скромность произвели на королеву впечатление, она даже пригласила Ариса в столицу. Но воевода медлил отправлять сына в Вестлицу, и только теперь, когда напротив них сидела юная Лея, дочь покойного воеводы Матеуша, Велимир был готов позволить сыну попытать счастья на королевской службе. Однако Арис не был рад помолвке и на свою невесту не смотрел вовсе. Князь Вольстав, приходившийся дядей и опекуном девушке, с неодобрением шептал что-то воеводе, тогда как Арис не сводил глаз с королевы.

— Этот юноша без ума от тебя, — негромко заметил Иларии дядя Давид и, испытующе посмотрев на нее, с усмешкой добавил: — Ты рискуешь поссориться с Вольставом и Велимиром одновременно, ибо Арис грозит разорвать помолвку.

— Зачем нужна такая помолвка? Ни Арис, ни Лея не выражают интереса друг к другу. Лея и вовсе, кажется, вот-вот заплачет... — В эту минуту Илария вновь поймала на себе взгляд красавца Ариса. Ее удивляла и в некоторой степени забавляла его влюбленность, которую она не могла воспринимать всерьез, ибо они общались всего один раз и совсем не знали друг друга.

— Этот брак был решен еще давно, — поведал князь. — Покойный Матеуш хотел выдать Лею за Ариса. А потом она влюбилась в гончара Юна и едва не бежала с ним. Вот князь Вольстав и решил поскорее выдать племянницу замуж.

— Лебяжий Курган далеко от Копле, — заметила Илария. — Эти земли не объединить. Как по мне, Лее стоит найти жениха в Роцистой Долине. У пана Тадеуша есть младшие братья...

Князь Давид ухмыльнулся. В его глазах сверкали отблески огня. В эту минуту он казался Иларии красивым. В расшитых золотом одеждах с золотыми цепями и перстнями он выглядел роскошно, утонченно и... несмотря на язвительный тон и насмешливость, притягательно. Иларии даже на мгновение почудилось, будто Кристина и в самом деле смотрит на него с подобострастным обожанием.

— Если хочешь, — продолжил Давид, заметив на себе оценивающий взгляд племянницы и отвечая ей тем же, — вмешайся и реши это дело. Арис и Лея будут тебе признательны. Только вот... Ариса тоже надо бы женить. Этот так легко не сдастся. Он из тех фанатичных людей, кто в пылу страстей способен натворить немало бед. Я бы на твоём месте не подпускал его близко.

Так, как ты подпустила того мальчишку... — Князь вновь усмехнулся и многозначительно посмотрел на племянницу. — Мне известно все о твоём шуте. Ты умеешь забавлять себя...

— Что же тебе известно? Надеюсь, ты не из тех, кто подозревает его в убийстве Томаша? Как аббат Рафаэль...

— Какой вздор! — Князь рассмеялся и, нагнувшись к самому уху Иларии, тихо сказал: — Не знаю, кому пришла охота позабавиться: тебе или племяннику литовского пана, но эта история может насмешить не один королевский двор.

— Не думаешь ли ты, что он то же, что Мацько? Эмиль — шляхтич, и его должность не ограничивается шутовской, он распорядитель королевских празднеств.

— Как тебе угодно, — пожал плечами князь. Он услышал что хотел и теперь небрежно добавил: — Забавляйся сколько хочешь, только не делай его своим любовником.

Илария резко отстранилась. В глазах ее вспыхнула ярость.

— Как ты смеешь говорить мне такое?!

Князь, успокоенный ее искренним негодованием, ответил привычной насмешливой улыбкой.

— Я твой дядя, — сказал он, — и забочусь о твоей репутации, тогда как ты, по всей видимости, нет, раз даже аббат призывает тебя к благоразумию.

— Замолчи, ты говоришь вздор.

Князь задумчиво посмотрел на племянницу, поймав на себе внимание гостей.

— Они думают, что мы ссоримся, — негромко заметил он. — Будь так добра, говори тише, иначе подольешь масла в огонь. Ты знаешь, что Войцех отказался от приглашения и не явился на пир? Об этом сейчас разговаривают Януш с Бартошем. Держу пари, последний решил сыграть против меня. А когда-то он приезжал с просьбой избавить его от Войцеха.

— Избавить от Войцеха? — переспросила Илария, позабыв о нанесенном ей оскорблении. — Что ты имеешь в виду?

— Войцех должен был стать соседом Бартоша, но благодаря моей женитьбе он не наследует земли.

— Хочешь сказать, — Илария понизила голос до шепота и сделала дяде знак наклониться к ней, — ты женился на Кристине из-за просьбы Бартоша?

— Нет, но он натолкнул меня на эту мысль, — отозвался Давид. Он переглянулся с Иларией и поправил выбившийся локон в ее волосах. — Ты безумно хороша сегодня, — признал он. — Но... видишь ли, твоя красота слишком высокомерна и холодна, тогда как нежность и обаяние Кристины... — Он взял руку молодой супруги и, глядя ей в глаза, поцеловал. — Она настоящая и искренняя, — продолжил он, обернувшись к Иларии. — Арис любит твое лицо, как и многие другие здесь сидящие. Но ни одному мужчине не захочется иметь женой ледяное гордое изваяние, неспособное на любовь и страсть.

— Можно подумать, ты способен на любовь. Более надменного и тщеславного человека я не встречала. Ты способен любить только собственное отражение.

— Я не был бы так категоричен, моя королева. У Кристины есть шанс. Она нравится мне, как и я ей. — Князь ухмыльнулся и пригубил вино.

Илария ответила надменным презрительным взглядом.

Она больше не заговаривала с князем. Ей овладело нестерпимое желание покинуть это место и больше никогда не возвращаться в замок Твердза, не видеть дядю, не слышать его раздражающе спокойного голоса, не видеть надменных насмешливых серых глаз.

Иларии начали еще больше досажать всеобщее веселье, смех, нестерпимый шум, громкие голоса. Сейчас угрюмость феодалов Бартоша и Мешко стала единственным, что не претило Иларии. Их зависть и ненависть к князю, еще недавно пугавшие, теперь вызвали мрачное торжество. Королева догадывалась, что с их стороны вскоре будет ответ, и не противилась этому.

Под конец пира Илария особенно остро чувствовала напряжение, сквозящее в воздухе. Ей казалось, что стоит князю сделать еще один неосторожный шаг, и общая ненависть, подобно пороховой бочке, взорвется и захлестнет все вокруг, положив конец этому вызывающе роскошному пиршеству.

Внезапно ей вспомнился трагический конец собственной свадьбы, убийство отца и мужа на пиру, потасовка, кровь... Она совершенно ясно почувствовала, что не желает такой участи для дяди, более того, ее охватило раскаяние. Зачем она прилюдно стала спорить с дядей и ссориться? Феодалы могли это воспринять как позволение открыто действовать против него. Осознав это, Илария обернулась к дяде и во всеуслышание поблагодарила его за оказанный радушный прием. Более того, она попросила князя проводить ее и, прощаясь, обменялась с ним поцелуями.

— Ты должен быть осторожен, — сказала она на прощание.

Князь улыбнулся в ответ и со спокойной уверенностью вернулся за стол к молодой супруге.

Следом за королевой удалились ее фрейлины, капитан Арон и еще несколько дворян, среди которых был и Адриан, единственный из свиты князя, кто покинул пир раньше своего господина.

У лестницы Иларию догнал капитан Арон и предложил проводить до покоев. Все еще сильно тревожась, королева не стала возражать и поделилась с Ароном своими переживаниями.

— Зал со всех сторон охраняется гвардейцами, — успокоил ее капитан.

Они поднялись по узкой каменной лестнице на третий этаж, после чего Илария остановилась с Ароном у освещенной факелом ниши и обеспокоенно спросила:

— Но ты видел их лица, Арон? Феодалы в долгу не останутся. Князь стал опасен для всех нас. Теперь на Королевском Совете он будет представлять сразу два города. У него слишком много земель... Ты видел Бартоша и Мешко? Они некогда были дружны с князем, а теперь все перекошены от зависти. Тебе хорошо известно, что я сама не жалую дядю, но я не хочу вновь стать свидетельницей резни.

Арон спокойно выслушал и с уверенностью, способной успокоить кого угодно, заявил:

— Я убежден, этого не произойдет. Они не станут действовать так опрометчиво, моя королева. Но, если вам неспокойно, я могу выделить гвардейцев для охраны ваших покоев.

— Нет, не нужно. Я всего лишь хочу поскорее вернуться в столицу. Скажи остальным, чтобы были готовы послезавтра выехать.

— Все исполню, не беспокойтесь.

Уверенный и рассудительный тон Арона мало-помалу вернул Иларии былое самообладание. Она несколько успокоилась.

— Хорошо, что ты не взял супругу. В столице теперь безопаснее, — заметила она.

— Везде следует быть настороже, моя королева, но для Селины лучше и в самом деле быть дома. Мы ждем ребенка. — Мягкая, почти нежная улыбка осветила лицо капитана.

— Я очень рада за вас, Арон. Селина была замечательной фрейлиной. Доброй ночи. Завтра будь неподалеку.

— Я буду рядом, моя королева. Да хранит вас Господь!

Ночью Илария никак не могла уснуть. За окном завывал ветер, забрасывая в окна брызги дождя. К счастью, кроме звуков природы, ничто не нарушило ночную тишину, но это лишь отчасти успокоило растревоженную душу королевы. Она чувствовала свою вину, что подала повод феодалам осуществить задуманную месть. Илария переживала за судьбу дяди, хоть в душе и злилась на него. Он всякий раз делал ей больно своими холодными, язвительными словами. Во всей его манере поведения читался надменный фарс, тщеславие, желание показать свое превосходство и независимость.

Более того, он знал об Эмиле. Откуда? Кто сообщил ему?

Иларии захотелось увидеть шута и расспросить его обо всем, узнать, кто такой этот княжич Леонас и куда он исчез: вернулся на родину или обосновался в Озерских землях? Эмиль ведь не лгал ей, нет. Это единственный человек, который так искренне заботится о ней, так предан, так понимает ее. С ним не нужно притворяться, с ним можно быть собой...

Рано утром, лишь только занялся рассвет, Илария встала. Подушка ее была мокра от слез. Умывшись холодной водой, Илария укуталась в шерстяную шаль и, прочтя молитву, тихо оделась и заплела волосы в косу.

Непреодолимое желание покинуть хоть на короткое время это место заставило ее спуститься в сад. Но там ей вспомнился разговор с аббатом, его предупреждение об Эмиле. Потому Илария свернула с тропинки и вернулась во двор. Оттуда ноги сами привели на конюшню. Поездка за город — вот что ей нужно сейчас. Подальше от шляхты, от дяди, от странно восторженной Кристины.

Илария бросила старому конюху золотой и велела оседлать любимую Аврору. Конюх знал Иларию еще ребенком, а потому не сильно удивился, увидев ее одну в столь ранний час. Он покорно отправился выполнять приказ, а Илария между тем вышла во двор.

Башни замка тонули в туманной дымке. На стене ворковали голуби, нахохлившись от утреннего холода. Людей во дворе было мало: у ворот дежурили караульные, да несколько слуг вышли с корзинами на рынок. И все же мало-помалу замок начинал просыпаться. Илария в нетерпении оглянулась на дверь конюшни. Отчего же так долго? За воротами замка должно быть сейчас хорошо: бескрайние поля, пестреющие яркой листвой деревья и широкая река, мерно текущая в пелене тумана. Илария, жаждавшая как можно скорее насладиться этой красотой, боялась, как бы ей не помешали, а потому решила поторопить конюха.

К ее досаде, он оказался не один: в конюшню спустился Арон. Увидев Иларию, он подошел к ней.

— Куда вы намерены ехать? — обеспокоенно спросил он.

Илария поделилась с ним своим желанием прогуляться за стенами города.

— Вы хотите поехать одна?

— Да, я хорошо знаю эти места.

— Нет, невозможно, — решительно запротестовал капитан гвардии. — Я отвечаю за вашу безопасность, я не могу вас отпустить одну.

— Арон... — В голосе Иларии почувствовался упрек и нескрываемая досада.

— Вы — королева, вы не можете рисковать собой ради минутного развлечения.

— Я понимаю, но... — Видя, что Арон не намерен уступать, Илария махнула рукой. — Ну хорошо, поедем вдвоем.

— Я должен взять еще как минимум трех гвардейцев, — серьезно заявил капитан.

— Тогда поездка будет не в радость... — Илария опустила голову, уже думая отказаться от прогулки.

— Мы возьмем Патрика, Даниэля и Леона. Они будут ехать на расстоянии и не станут вам докучать. Поверьте, так будет лучше, — мягко увещевал Арон.

Илария вынуждена была согласиться.

— Тогда нам стоит выехать прямо сейчас, — решительно сказал Арон. — Я дам распоряжение, гвардейцы присоединятся к нам через несколько минут.

Королева тоскливо оглянулась на открытую дверь. Нигде она не могла остаться одна, даже прогуляться верхом и то приходилось в компании гвардейцев.

Однако, когда они наконец выехали за ворота и ветер засвистел в ее ушах, придав румянец бледным щекам, сердце Иларии вновь радостно забилося. Она не обращала внимания на гвардейцев и капитана Арона и смотрела вперед, наслаждаясь красотой туманного утра и свободой, пусть и не полной, как ей того хотелось.

Гвардейцы разговаривали между собой, Арон молчал, так что Илария почти не замечала присутствия охраны и в какой-то момент в упоении закрыла глаза, предоставив себя верному другу — Авроре.

Они проехали мимо перепаханного поля, обогнули деревню Дрваль и оказались у Мешливского леса. Здесь королева приспустила поводья и перевела лошадь с быстрого аллюра на шаг. Илария с улыбкой смотрела на желтые кроны берез, коричневые липы, проглядывающие изнутри зеленые ели.

— Правда, красиво? — Она обернулась к Арону.

— О, да, ваше величество. Прекрасный вид! — отозвался капитан.

Он был рад, что королева вновь в хорошем расположении духа. Это заметили и гвардейцы. Они уже ехали рядом и слышали слова королевы. Патрик, наиболее общительный и жизнерадостный из всех, сказал друзьям:

— Не правда ли, стоило встать пораньше, чтобы насладиться замечательной прогулкой? Природа, тишина и общество Прекрасной Дамы. Что может быть лучше?

Илария улыбнулась ему:

— Должно быть, сейчас не менее красивая осень в Шотландии.

— Да, у нас очень красиво, ваше величество, — отозвался Патрик. — Жаль, что англичане не дают нам спокойно наслаждаться этой красотой.

— Но ты можешь насладиться ей здесь, — заметила Илария.

— Несомненно, ваше величество. Все мы, и Даниэль, и Леон, нашли здесь новый дом благодаря вам. И мы все очень любим вас.

Илария улыбнулась, ей были приятны его слова.

Впереди показался высокий берег реки, и королева перевела лошадь на средний аллюр, уже больше не вступая в разговоры. Ее пленили умиротворяющий простор и единение с природой. Как давно она не бывала здесь! Сколько воспоминаний хранили эти места...

Не доезжая до края высокого глинистого берега, Илария остановилась и предложила спешиться. Арон помог ей спуститься, а гвардейцы отвели лошадей к старой иве. Погруженная в свои мысли, Илария подошла к краю обрыва, глядя на поднимающийся от воды туман.

— Здесь хорошо, не хочется возвращаться обратно.

— Нас никто не торопит, — заметил Арон.

— Спустимся к воде? — Илария обернулась по сторонам в поисках тропинки.

— Можно нам с вами, ваше величество? — поинтересовался Патрик, вернувшийся раньше своих товарищей.

— Хорошо, только найдите спуск.

— Он справа, ваше величество. Я заметил его, когда мы подъезжали, — рассказал Даниэль.

Меланхоличный француз, прозванный сослуживцами «печальным рыцарем», был одним из любимых гвардейцев королевы. Он и Патрик чаще всего дежурили в почетном карауле у ее покоев. Илария любила Даниэля за чистоту и искренность, а Патрик располагал к себе веселым нравом и добротой сердца. Что же до Леона, то своей манерой держаться он забавлял всю гвардию. Долговязый, всегда сонный и голодный, — его не интересовали ни интриги, ни заговоры. Он думал о насущном: хорош ли будет обед в корчме, повезет ли ему в игре, когда можно съездить на побывку домой. Его непосредственность и медлительность сделали его предметом шуток. Особенно любил над ним подтрунивать Патрик, но Леон не обижался и считал шотландца своим лучшим товарищем. Сейчас же Леона оставили стеречь лошадей, а Даниэль и Патрик показали Иларии спуск к реке.

Видя воодушевление гвардейцев, их радость от ее присутствия, королева уже не жалела, что взяла их с собой.

Трава на берегу была вся мокрая от росы, и Илария быстро измочила подол платья.

— Смотрите, там бобер! — весело крикнул Патрик, указывая на середину реки. — Он плывет сюда.

— Да. — Илария скинула с головы капюшон, оглядываясь по сторонам. — А там, смотрите! У самого берега, где камыши...

Она пошла вперед, желая рассмотреть, кто там мог быть. Но, приблизившись, громко вскрикнула и отпрянула назад. В воде лежал человек с застывшим посиневшим лицом. Белая рубашка колыхалась вместе с легкими волнами, темные штаны надулись, русые волосы и борода омывались водой, похожие на длинные водоросли.

— Отойдемте отсюда! — Даниэль потянул королеву за руку и увел в сторону.

Илария вся дрожала, она отвернулась и встала у тропинки, ведущей обратно на верх обрыва. Даниэль закрыл собой страшную картину и все то время, пока Арон и Патрик вытаскивали труп на берег, был подле королевы.

Наконец Арон подошел доложить:

— Этот человек был задушен. Судя по всему, убийство не более часа назад. Я не обнаружил трупных пятен. Странно, что тело не попытались скрыть и оставили у самого берега. Веревка на шее без камня. Видимо, этого несчастного сперва задушили, а после кинули в воду.

— Возьмем его в замок, — решила Илария. — Нужно опознать труп.

— Да, мы так и сделаем, — согласился капитан. — Этот человек не похож на крестьянина. Его одежда и золотая цепь с перстнем выдают в нем человека небедного. И, что интересно, убийство не было ограблением...

— Князь должен рассмотреть это дело. Убийство произошло на его земле, — сказала Илария.

Обратно ехали молча, но это не было тем созерцательным, тихим молчанием, как по дороге туда. Осознание, что не далее как час назад здесь произошло убийство, наводило на всех мрачные мысли.

По возвращении в замок едва Илария спешила, как увидела во дворе пана Януша с супругой Богданием. Им уже подали лошадей, когда родители Кристины заметили королеву. Януш шепнул что-то жене, и оба подошли засвидетельствовать свое почтение ее величеству. Седовласый пан с перетянутым обручем лбом сильно постарел. Лицо его еще сильнее покрывалось сетью морщин, глаза потеряли блеск, на челе легла глубокая скорбь после потери сына. Пани Богдания тоже изменилась. Она еще сильнее осунулась, подурнела, но характер остался прежним. Присущая ей тревожность и суетливость были заметны и теперь.

Едва супруг приветствовал королеву, Богдания обратилась к ней со словами:

— Ваше величество, мы так рады, что вы приехали на свадьбу нашей дочери! Предложение князя было так неожиданно, у Кристины был жених... но вы сами понимаете, что мы не смогли отказать вашему дяде.

Пан Януш, слушая супругу, нахмурил густые белые брови.

— Мы преданы вам, ваше величество, — начал он. — И надемся, что Озерские земли будут связывать дружественные отношения с Вестлицей. Нам бы не хотелось становиться причиной разлада феодалов. Я действовал исключительно в целях защиты репутации моей семьи. Этот брак был необходим для сохранения чести дома.

— Я вас понимаю, — отозвалась Илария, краем глаза наблюдая за гвардейцами, — нам всем нужен мир.

Януш проследил за взглядом королевы и встревожился:

— Что произошло? Кого там несут?

— Мы нашли убитого человека в реке, — поделилась королева.

— С вашего позволения, я взгляну.

Илария не возражала. Оставшись стоять с пани Богданием напротив крыльца, она, однако, не слушала мать Кристины, а продолжала следить за гвардейцами. Патрик и Леон

положили труп на скамью и, заметив пана Януша, отошли в сторону. Они встали неподалеку, наблюдая за феодалом и перешептываясь.

Когда перед старцем открылось лицо убитого, он вздрогнул, глаза его расширились. Дрожащей рукой он указал на бездыханное тело и, громко вскрикнув, схватился за голову. Илария поймала взгляд Патрика и дала ему знак подойти к пану Янушу.

Пока королева пересекала двор, на крыльце показался князь Давид. Заметив неладное, он сбежал по лестнице и раньше Иларии подоспел к Янушу.

— Где вы нашли его? — обратился князь к гвардейцам.

— Ты ответишь за это, Давид! — ожесточенно воскликнул Януш, сжав кулаки.

— Отвечу за что? — с холодной резкостью бросил князь.

В этот самый момент подошла Илария, встав между дядей и Янушем. Она обеспокоенно взглянула на них обоих:

— Вы знаете этого человека? Мы нашли его у реки.

Пан Януш с горечью простонал:

— Это мой племянник, Войцех! Силы Небесные, я этого не вынесу!

Илария побледнела. Она отчетливо вспомнила слова дяди, будто Бартош просил его избавиться от Войцеха. Неужели он вплеl в эту историю соседа, только чтобы отвести подозрения от себя? Пустился в откровенности накануне убийства... конечно, ему это было выгодно, чтобы Илария в первую очередь подумала на Бартоша.

Януш вновь схватился за голову:

— Зачем ты это сделал? Чего тебе не хватало? Кристина принадлежит тебе...

Давид поймал на себе горький взгляд Иларии и поспешил оправдаться:

— Я не имею отношения к этому убийству. Возможно, Войцех утонул...

— У него на шее след от веревки, — возразила Илария.

— Что ж... я проведу расследование, — пообещал Давид, не выразив, впрочем, ни сочувствия, ни сожаления.

Позади послышались причитания и всхлипывания. Богдания упала на колени перед телом Войцеха и разразилась рыданиями. Януш плакал вместе с ней, закрыв лицо рукой. При виде их горя на глаза королевы тоже навернулись слезы.

— Илария, — окликнул ее князь и взял за руку, — пойдем со мной.

Януш поднял на него полные ненависти глаза:

— Если ты не найдешь убийцу, я не отдам тебе Вольстань! Я выстрою дружину у городских ворот и прогоню тебя вон, — пригрозил он, сжимая кулаки.

— Я найду убийцу, — отозвался Давид. Тон его был жестким, холодным, но по-прежнему сдержанным и непоколебимо уверенным.

Илария, чувствовавшая за дядей вину, не смогла оставаться в стороне.

— Убийца поплатится за свое злодеяние, не сомневайтесь. — И, обернувшись к князю, сказала: — Прошу вас докладывать мне о ходе расследования.

Князь ответил кивком головы и спросил у Януша, хочет ли он взять тело Войцеха с собой.

— Я заберу его и похороню со всеми почестями. Это убийство ляжет позором на твои плечи! Вся округа узнает о злодеянии! — Голос Януша дрогнул. Он отвернулся, чтобы скрыть слезы.

Илария положила руку на плечо старика, ее сердце было исполнено жалости и сострадания.

— Если вам нужна помощь, вы всегда можете обратиться ко мне.

Януш поднял выцветшие глаза и крепко пожал протянутую ему руку.

— Да хранит вас Бог, ваше величество. Ваши слезы говорят о чистоте вашего сердца. А этот... — Януш обернулся на князя и гневно сказал: — Он совратил мою дочь, угрозами принудил ее к браку. Он хотел опорочить имя моей дочери! Бедная Кристина... Этот негодяй

похитил ее из родительского дома и обесчестил. А теперь убил ее жениха, человека, который заменил мне сына и мог скрасить мою старость!

— Это ложь, — возразил князь, сохраняя хладнокровие. — Королева может рассказать тебе о грехе лжесвидетельства. Он не так безобиден, как тебе кажется, Януш.

— Будь я помоложе, я вызвал бы тебя на поединок и убил, как ядовитую гадину...

— Пан Януш! — взмолилась Илария, встав между ним и дядей. — Позвольте князю провести расследование. Ваши обвинения безосновательны. А что до Кристины... — Королева обернулась на дядю.

— Кристина сама приехала ко мне в ту ночь, — закончил за Иларию князь, — и я честно женился на ней, сделал княгиней. Не вижу причин для недовольства. Она только выиграла от этого брака.

— Мерзавец...

— Довольно, — прервала Януша Илария. — Остановитесь. В своем горе вы можете наговорить того, о чем будете сожалеть. Я сопереживаю вашей утрате и сделаю все, чтобы помочь вашему горю. Но, прошу, не затевайте ссоры.

С большим трудом королеве удалось успокоить Януша и добиться прекращения перепалки. Князь больше не заговаривал со свекром и ожидал королеву у ступеней крыльца.

Лишь только Илария простилась с Янушем, князь увлек ее за собой. Когда тяжелая дверь за ними закрылась и оба оказались скрыты от посторонних глаз под сводами светлого коридора, ведущего в нижний зал, Илария высвободила руку и резко сказала:

— Мне надоело прикрывать твои грязные дела. Разберись с этим сам. И будь добр, найди убийцу. Хотя это странно — просить найти самого себя, не правда ли?

— Илария, я не так глуп, чтобы убивать своего соперника в разгар празднеств, когда здесь так много гостей.

— Но этот поступок показывает твою власть и безнаказанность. Уверена, ты этого и добивался. Запугать феодалов, нанеся удар первым.

— Нет, это не так. — В голосе князя почувствовалось раздражение.

— Я не хочу больше говорить с тобой, — сухо подытожила Илария. — Завтра я уезжаю. Напиши мне, когда найдешь убийцу. А до тех пор я не желаю тебя видеть в Совете.

Обменявшись выразительными взглядами, в которых каждый собрал достаточно зла и возмущения, чтобы испепелить другого до основания, оба не проронили больше ни слова.

Глава 5. Исповедь Кристины

Днем Илария почти не покидала комнаты. Она помогала камеристке собирать вещи, пытаясь успокоиться после размолвки с дядей. Ее оскорблял его тон, безнаказанность действий. Илария чувствовала себя обманутой. Переживая за дядю, полагая, что ему грозит опасность, она и не подозревала, что угроза исходила от него самого. А князь и рад был стараться, подыгрывая ей и рассказывая о коварстве Бартоша и его просьбе устранить пана Войцеха от земель Януша.

Иларии до того хотелось вернуться в столицу, где она была полноправной хозяйкой, что, едва на двор опустились сумерки и на небе показался молодой месяц, она потушила свечи и, сотворив молитву, легла спать.

Однако сон долго не шел к ней. Ее мучила тревога, душили слезы. Хотелось поделиться с кем-нибудь переживаниями, излить душу... Но ее страданиям вторила лишь тишина.

Около одиннадцати часов, едва Илария стала засыпать, в комнате послышались тихие шаги камеристки Радки.

— Ваше величество... — осторожно позвала она. — Вы спите?

Илария подняла голову:

— Что случилось?

— Тут к вам пришли... Жена князя, она ничего не хочет слушать и просит пропустить ее к вам.

— Кристина? — Илария потерла глаза и села на постели. — Зажги свечи. Что ей нужно? Пусть войдет.

Едва Илария привыкла к слабому мерцанию огня, как полог ее кровати оттянулся и к ней заглянула Кристина. Она была в легкой сорочке, которую прикрывала расшитая золотом накидка. Выгоревшие светлые кудри разметались по плечам, большие синие глаза были полны слез. Дрожащими тонкими пальцами она судорожно вцепилась в одеяло.

— Умоляю, выслушай меня! — взмолилась она. — Я прежде не говорила с тобой о свадьбе. Боялась, что ты рассердишься. О, Илария, умоляю! Я так несчастна! — Кристина жалобно всхлипнула и, прежде чем Илария успела что-либо ответить, повисла у нее на шее. — Дозволь мне остаться с тобой, — стала упрашивать она. — Мне так много нужно тебе сказать. О, Илария! Сжался, не гони меня прочь! — рыдала Кристина, прижимаясь к ее груди.

— Ты можешь остаться. — Илария утерла ее слезы и подвинулась в сторону.

Кристина забралась на кровать, поджала под себя ноги, заправила волосы за уши и прикрыла колени одеялом.

— Я все тебе расскажу! Все, и ты сама поймешь... поймешь, почему я вышла за него замуж. — Кристина вновь залилась слезами и крепко сжала руки Иларии.

— Что ж, говори. — Королева подложила себе за спину подушку и, устроившись поудобнее, приготовилась слушать.

Кристина немного успокоилась. Она вдохнула поглубже, вновь поправила волосы и, глядя на складки одеяла, тихо начала свой рассказ:

— Ты знаешь, я всю жизнь прожила в замке отца в Вольстани, никуда не выезжала. Единственное развлечение — ярмарки и прогулки верхом. Я много времени проводила одна. К отцу редко кто приезжал, разве что Мешко из Вицно или Войцех. Изредка приезжал воевода Велимир и... твой дядя. Он так разительно отличался от всех гостей, от друзей отца. Образованный, красивый, элегантно одетый, с изысканными манерами... Я всегда смотрела на него с восхищением, как на некий идеал, недостижимую звезду. Помню, как мы впервые встретились в лесу и он проводил меня до замка. Он часто спрашивал об отце, о брате. В душе я понимала, что, возможно, ему интересно узнать от меня новости, только и всего, но, когда заболел брат,

князь стал чаще видаться со мной. Как бы случайно оказываясь всякий раз там, где я гуляла. Он был всегда обходителен, любезен, не позволял себе ничего лишнего. Я видела в нем друга, на которого можно положиться, с кем разделить тревоги и сомнения. Но отец, обеспокоенный состоянием Францишека, хотел побыстрее найти мне мужа. Князь не выказывал желания жениться, время шло, я не могла открыть своих чувств, и отец сосватал меня Войцеху, моему троюродному брату. Ему было тридцать пять, он был деловым человеком, мастером на все руки. Отец очень любил его, доверял хозяйство. Войцех строил баню, покупал и продавал скот, решал дела с крестьянами. Когда отец предложил ему жениться на мне, Войцех не выказал радости. Помню, мы сидели за столом, Войцех вытирал жирные руки и бороду о скатерть и разглагольствовал о том, что девиц надо откармливать, как коров, чтобы у них были пышные бедра и большая грудь, способная выкормить потомство. А я тощая и болезненная. Ему хотелось видеть рядом с собой румяную толстую бабу. Он и сам всегда выглядел простым мужиком: неказисто одет, никогда не брился, вечно был пропахший потом... Я с отвращением слушала его речи, смотрела, как он берет мясо жирными толстыми пальцами... Это было мерзко. Я мечтала убежать, броситься к твоим ногам и умолить избавить меня от ненавистного жениха. Но отец все чаще запрещал мне выезжать верхом. Я перестала видаться с князем, и жизнь моя стала совсем тоскливой.

Однажды, когда брат был совсем плох и отец уехал за лекарем из аббатства Святого Мартина, мне сообщили, что князь у нас в гостевом зале и желает меня видеть. О, если бы ты знала, какой радостью наполнилось мое сердце, как запела душа! Я думала, что он, узнав о планах отца, решил попросить моей руки и спасти от ненавистного брака. Я сбежала вниз и едва заставила себя сдержаться, чтобы не броситься навстречу князю. Как он был красив в тот день, как элегантен! Безупречный и притягательный в нашем старом зале с выцветшим ковром и неприбранными объедками после обеда. Мне было так неловко... Но князь, казалось, не обращал никакого внимания на скудность убранства и грязный стол. Он разговаривал с матушкой о Францишеке, об отце. Наши взгляды часто встречались, я смущалась, не в силах устоять перед его привлекательностью. И когда он спросил меня о браке... о! я едва не разрыдалась! Он сказал, что мне можно найти жениха и получше, что он мог бы помочь. Я потом пошла проводить его. Перед выходом в темном притворе он поцеловал меня в щеку, назвал меня «прелестным дитя» и шепнул, что я очень красива и не ровня мужику Войцеху. Только представь, как я была счастлива в ту минуту!

Потом князь попросил проводить его, и мы вместе выехали верхом. Если бы ты знала, как билось мое сердце, как я ждала, что он предложит мне выйти за него замуж, но вместо всего этого князь сказал мне выбрать жениха из его дворян. Это было ужасно! Я резко попрощалась с ним и ускакала прочь, не желая его больше видеть.

Несколько дней я рыдала. Потом умер брат, и горе от его утраты перекрыло боль разбитого сердца. На похоронах был и князь. Он вложил мне в руку письмо. До сих пор помню каждое слово из него: *«Я сожалею, что огорчил вас, милая Кристина. Верю, что в вашем сердце найдется прощение для друга, который терзается желанием видеть вас. Помните, что вы всегда можете рассчитывать на мою помощь. Что бы ни случилось, только позовите, и я спасу вас от этого брака».*

Я не хотела отвечать на это письмо, чувствуя себя отвергнутой и нелюбимой. Между тем отец вновь заговорил о браке и пожелал устроить свадьбу как можно скорее, опасаясь, что он умрет, не оставив наследника. Отец хотел обвенчать меня с Войцехом в начале сентября, я стала плакать и умолять отменить свадьбу, стала грозить, что сбегу из дома. Однако это привело лишь к тому, что меня начали запирают в комнате.

В середине июля служанка передала мне новое письмо от князя, где он писал, что не простит себе, если я выйду за Войцеха. Молил ответить на письмо и не пренебрегать его помощью. Я рыдала, страстно желая увидеться с ним, но меня не выпускали за ворота. А отец, занятый

хозяйством, хотел быстрее поженить нас с Войцехом, чтобы тот переехал в замок и больше помогал по хозяйству. Войцех поддержал предложение отца быстрее обвенчаться, объясняя это желанием самому «взяться за меня» и слепить жену под стать себе, выбив из меня все капризы и откормив, чтобы я стала в три раза толще.

Как-то вечером я подслушала их разговор, отец предлагал Войцеху обвенчаться со мной в домово́й церкви, без празднеств и лишней огласки. Говорил, что мне надо скорее понести ребенка, чтобы у него был внук и прямой наследник. Они хотели силой привести меня под венец и вынудить сочетаться браком через два дня!

Думаю, ты поймешь охвативший меня ужас и страх. Я подговорила служанку и на другой вечер во время проливного дождя сумела незаметно выбежать за ворота. Там меня ждала лошадь. Я вскочила на нее и через лес поскакала в Вельсторш. Дорогой я рассекла щеку о ветку, промокла до нитки и забрызгала грязью платье.

Представь себе, в каком виде я прибыла в замок Твердза! Меня не хотели пропускать, но я умоляла доложить обо мне князю, и он принял меня. В нижнем зале, как сейчас помню, он не сразу узнал меня, окликнул по имени. Потом... о! видела бы ты, как он испугался за меня. Я и в самом деле выглядела неважно. Он было решил, что на меня напали в лесу... Я хотела сразу обо всем рассказать ему, но он позвал служанку и велел проводить меня в гостевые комнаты. Там я приняла ванну, отогрелась, поужинала и... переоделась в твоё синее платье. Ты только не сердись, что я надевала его. Князь, когда вошел ко мне, кажется, в первые минуты вспоминал тебя. Он с заботой расспросил меня об отце, о всем произошедшем. И спросил, что он может сделать для меня. А я возьми да и скажи: женитесь на мне. Представляешь? Так и сказала. Он был удивлен, но не сильно... кажется, князь догадывался о моих чувствах к нему. Он стал убеждать меня, что не создан для брака, что мы не будем счастливы, что он сильно старше и неспособен на любовь. А я плакала и убеждала его в обратном. Князь спросил, что я намерена делать, если он не женится на мне, и я ответила, что сбегу в монастырь. Это ему не понравилось. Земли тогда могли достаться Войцеху или перешли бы в твои владения. Я объяснила ему, что брак со мной даст ему место в Совете и земли. Он был удивлен моими рассуждениями и... когда я говорила, он сел на подлокотник кресла и не отрываясь смотрел на меня. Потом сказал, что не уверен, что сможет полюбить, но все-таки женится на мне и спасет от Войцеха. Я была растеряна, мне было грустно, что он не любит меня. А он поднял мое лицо за подбородок, поцеловал в щеку и прошептал: *«Я хочу любить тебя, научи меня»*.

Я крепко обняла его и разрыдалась. Он утешал меня, обнимал в ответ и шептал, как я нравлюсь ему и что он действительно скучал по мне. Я трепетала от его слов, сердце мое вновь пело!

Между нами ничего не было в тот вечер, мы даже не целовались, но князь сказал моему отцу, что я провела ночь в его замке и невозможно скомпрометировала себя. Сказал, что единственный выход для спасения моей чести — брак. Отец был в ужасе. Князю стоило немалых трудов убедить его в своих искренних намерениях.

Мы поженились, и я бесконечно счастлива. Я безмерно люблю Давида, он — вся моя жизнь. Он так внимателен и нежен со мной, с ним я забываю обо всем на свете.

— Отчего же ты прибежала вся в слезах? — удивленно спросила Илария.

— О, милая! Так ведь со смертью Войцеха отец разозлился на Давида, он грозит лишить его земель, ты не хочешь видеть его в Совете. Все отвернулись от него... И я боюсь, что он захочет расторгнуть брак, обозлится на моего отца. Мне только начало казаться, что он любит меня, а из-за этого несчастья он стал холоден и не хочет говорить со мной... Давид не убивал Войцеха, он был со мной в ту ночь.

— Но он мог подослать убийцу...

— Нет! Нет! — горячо запротестовала Кристина. — Он не мог! Слышишь? Он не мог, он не такой.

— Ты слепа в своей любви. — Илария сочувственно вздохнула. — Мне жаль тебя, ты совершенно не знаешь моего дядю. За красивой внешностью и изысканными манерами скрывается расчетливый и холодный интриган, жаждущий власти.

— Нет! — покачала головой Кристина. — Он просто был одинок, его никто не любил, его душа покрылась холодом, но я отопрею ее, растоплю его сердце и наполню любовью и светом! Моя любовь изменит его, у нас родятся дети, и Давид будет счастливым отцом.

— Наивная! — вздохнула Илария. — Я не стану переубеждать тебя, но, поверь, когда-то и я пыталась прорастить в его душе доброе семя.

— Но ты не любила его так, как я! Он тебе дядя, а мне — муж.

— Хорошо, как знаешь. От меня-то ты чего хочешь?

— Скажи, что веришь ему. Дай шанс оправдаться и найти убийцу.

Илария вскинула брови. Прежний ласковый сочувствующий взгляд сменился подозрительностью.

— Постой-ка, а не он ли подослал тебя ко мне? Прежде ты не горела желанием исповедоваться мне.

— Он не подсылал меня, — смущенно отозвалась Кристина, потупив взор, — я сама сказала, что все объясню тебе и ты поймешь. Не правда ли, ты не станешь разрушать мое счастье и дашь шанс князю?

— Твое счастье не должно зависеть от меня, от передачи земель или членства в Совете. Если дядя любит тебя, он не отречется, не бросит тебя.

— Илария, но ведь мой отец хочет забрать мое приданное! Почему никто не верит в невиновность моего мужа? Я понимаю, Давид слишком могущественен, у него много завистников...

— Пусть мой дядя найдет убийцу и известит меня об этом. Если он сумеет раскрыть это преступление, я не откажу ему в членстве в Совете. Но он сам не должен играть против меня.

— Он не против тебя, но ему претит твое высокомерие и холодность.

— Что? Мое высокомерие и холодность? — Илария была возмущена до глубины души. — Да он сам ведет себя отвратительно надменно!

— Растопи его лед, сделай первый шаг. — Кристина мягко взяла ее за руку.

— Растапливать льды — твой удел. Мой — править этой страной. Пусть князь не мешает мне в этом.

— Я поняла тебя, я все сделаю. — Кристина поднесла руку Иларии к губам и несколько раз поцеловала. — Я знала, что найду в тебе прежнего друга с добрым сердцем. Ты полюби, и твой лед тоже растает. Вам с князем не хватает тепла человеческих чувств...

— Довольно, Кристина, — остановила ее Илария, не разделявшая восторгов подруги. — Об этом будешь рассказывать дяде.

— Тогда я пойду?

— Иди. — Илария улыбнулась и ответила на поцелуй Кристины.

Этой ночью королеве пришлось многое переосмыслить и впервые иначе взглянуть на брак князя с Кристиной. Как она и предполагала, дядя не был влюблен в супругу, но узнать о страстной любви Кристины... Выходит, аббат был прав, а она, Илария, ошибалась. Теперь королеве отчетливее стали видны мотивы князя и его расположение к молодой супруге. Восторженные чувства Кристины льстят самолюбию князя, питают его тщеславие. Конечно, он не смог себе отказать в удовольствии взять в жены влюбленную в него хорошенькую девушку с богатым приданым и утереть нос завистливым феодалам.

Глава 6. Откровенность и хитрость

Утром королева покинула Вельсторш, а с ней и весь двор.

В замке Твердза вновь воцарилась привычная тишина. Гости разъехались, слуги были заняты уборкой зала и гостевых комнат, а потому никто не нарушал уединение князя. Лишь Кристина тихо сидела напротив него у ярко растопленного камина и вышивала, но она ничуть не отвлекала его от дела, которым он был занят уже несколько часов.

Давид, удобно устроившись в кресле, пересматривал карту с границами земель и помечал на отдельном листе пергамента, сколько прибыли он извлечет от продажи зерна, овощей, фруктов, соли, пушнины и леса, прибавляя к этому возможный будущий доход с земель Януша. Вместе с тем он отдельно отмечал выгоду Бартоша от торговых сделок с Вельсторшем и Вольстанью, высчитывая до гроша, чего лишится сосед, откажи ему Давид в дружбе и запрети провозить купеческие обозы через свои земли. Болотск, которым владел Бартош, находился в болотистой низине, где не было ни лесов, ни плодородной почвы. Зато в изобилии росли грибы и клюква, а в разливе реки крестьяне ловили много рыбы. Этого добра было вдоволь и у князя, потому он мог спокойно оборвать торговые связи с Бартошем, тогда как последний лишился бы поставки зерна и соли, не говоря уже о пушнине и лесе. Конечно, Бартош мог возобновить торговлю с Тадеушем из Рощистой Долины, но для этого необходимо было вновь наладить отношения с молодым соседом. Князь знал причину ссоры, скрывавшуюся в неудачной женитьбе сына Бартоша, Стефана, на сестре Тадеуша. Девушка умерла через несколько месяцев после свадьбы, не пережив брака с властным и жестоким мужем. После этого происшествия Тадеуш оборвал всяческие отношения с Бартошем и Стефаном. А последний на следующий же год женился на придворной даме, молодой вдове, которая сумела ужиться с ним, подарила ему двух сыновей и должна была вскоре снова родить.

Князь ухмыльнулся, записав Тадеуша в возможные союзники, а также отметив на карте Лебяжий Курган, наследницей которого была юная Лея, невеста Ариса. Кого бы вместо сына воеводы предложить Лее в женихи? Быть может, младшего брата Тадеуша — или же свести ее с Адрианом? На ум пришло еще одно имя — имя человека, которого он три года назад отправил служить Бартошу. Интересно, что ему известно обо всей этой истории с убийством?

Из размышлений его вывел осторожный вопрос Кристины:

— Мой отец не писал вам?

Большие васильковые глаза смотрели тревожно, но слез в них не было. Пшеничные волосы были убраны под белый убрус, еще сильнее подчеркивавший ее бледность. Терракотовое парчовое платье, казалось, утяжеляло ее легкий гибкий стан и излишне пережимало маленькую грудь.

— Нет, он не писал мне, — отозвался князь и снова погрузился в размышления.

Ему хотелось расписать также количество воинов, которых мог бы дать каждый город, но Кристина вновь заговорила с ним. Голос ее слегка дрожал и звучал неуверенно и тихо:

— Мне пришло от него письмо.

— Я знаю, — спокойно ответил князь, отложив на время серебряный карандаш, которым он делал пометки на пергаменте.

— Вы читали его? — с тревогой спросила Кристина.

— Нет, но мне несложно предположить его содержание. — Князь выжидательно посмотрел на супругу. — Он винит тебя в необдуманном замужестве, сыплет угрозами... Я прав?

— Он хочет, чтобы я приехала завтра на похороны Войцеха.

— Мы приедем.

Кристина замялась:

— Отец хочет, чтобы я приехала одна.

— Вот оно что... — протянул князь. — Но это исключено. Мы поедем вместе. Одна ты в Вольстань не поедешь: ни на похороны Войцеха, ни в гости к родителям... Запомни это.

— Но отец не хочет вас видеть, я боюсь, что он может дурно обойтись с вами...

Глядя на взволнованное лицо Кристины, ее дрожащие от волнения губы, князь невольно улыбнулся. Ему показалась трогательной такая забота о нем.

— Тебе не о чем переживать, я все улажу, — пообещал он.

Однако слова князя не сильно успокоили молодую супругу. Она больше не могла сосредоточиться на вышивке, в то время как Давид преспокойно вернулся к подсчету войск. Не в силах выдержать давящей тишины, она в третий раз оторвала его от дела:

— А если они задумали убить вас? Я видела, с какой ненавистью на вас смотрели некоторые феодалы. Они нарочно подстроили убийство, чтобы погубить вас. Отец не верит мне. Все ополчились на вас из-за меня. Я иной раз думаю, лучше бы мне было бежать в монастырь. Я не сделала вас счастливым, лишь навлекла беду. И смерть Войцеха на мне. Если бы я вышла за него замуж...

— То я с большей вероятностью убил бы его, а потом все равно женился бы на тебе, — ответил князь, отложив свитки пергамента на каминную полку.

Он встал и прошелся по комнате. Ему были неприятны слова Кристины, он досадовал на ее слабость и, не в силах смолчать, высказал ей все, что думал:

— Я не позволил бы тебе сбежать в монастырь и все равно бы нашел, обманом или силой я взял бы тебя в жены. Мне совершенно необходимо забрать Вольстань, и я бы не позволил обосноваться там этому мужику Войцеху. Я догадываюсь, кто убил его, а злоба феодалов обернется против них самих. Твой отец пожалеет, что так обошелся со мной...

— Вы не жалеете, что женились на мне? — осторожно спросила Кристина.

— Нет, я редко жалею о своих решениях, к тому же это решение не было сиюминутным порывом. Несмотря на твой внезапный визит ко мне в ту ночь, я обдумывал и раньше возможность прибрать к рукам Вольстань.

— Но... когда придет день и вы получите земли моего отца, не стану ли я обузой для вас? Вы не любите меня, я это прекрасно поняла на свадьбе и... когда вы оставили меня в брачную ночь. Вы сделали это нарочно, чтобы потом попросить у епископа признать брак недействительным и отправить меня в монастырь, а самому жениться на Иларию? — В глазах Кристины стояли слезы.

Князь удивленно посмотрел на нее и вдруг неожиданно громко расхохотался.

— Как ловко ты прописала мои стратегии! — Все еще смеясь, он вновь опустился в кресло напротив и весело посмотрел на супругу. — Звучит как хороший план, но за одним исключением: я не хочу жениться на племяннице. Более того, я не хочу ее видеть в моем замке. А что до тебя... — князь закусил губу и с сожалением окинул взглядом бледную, худую Кристину, — я брал в жены дочь лесов и полей, которая так резво скакала верхом, была смелой и отважной. Ты была так хороша, я восхищался тобой. Сейчас же твой унылый, печальный вид навевает на меня тоску. Этот убрус так необходим тебе? А платье... эта тяжелая ткань не идет тебе. И... утри слезы, я ничуть не жалею о нашем браке.

Князь протянул ей руку, вынуждая встать и подойти к нему. Кристина робко приблизилась. Давид примиряюще улыбнулся и, поцеловав ее руку, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.